

**Сергей Васильевич Лукьяненко
Алекс де Клемешье
Участковый
Серия «Дозоры»**

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7060856

*Участковый : [фантаст. роман] / Сергей Васильевич Лукья-ненко, Алекс де Клемешье: АСТ;
Москва; 2014*

ISBN 978-5-17-085078-5

Аннотация

СССР, Сибирь, 1972-й год. Отделения Дозоров противоборствуют в крупных областных городах, но как контролировать тысячи километров безбрежной тайги? Здесь, в глухих дебрях, среди вековых кедров притаилось Зло, непостижимое человеческим разумом.

В этих диких краях с неведомыми силами договариваются шаманы. Таков закон, и здесь не самое лучшее место, чтобы основать отделение Ночного Дозора.

Но выбирать не приходится. Деревенский участковый милиционер берется за дело...

Содержание

Часть 1	5
Пролог	5
Глава 1	8
Глава 2	23
Глава 3	45
Глава 4	57
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Сергей Лукьяненко, Алекс де Клемешье Участковый

© С.В. Лукьяненко, А. Клемешов, 2014

© ООО «Издательство АСТ», 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

© Электронная версия книги подготовлена компанией ЛитРес (www.litres.ru)

* * *

Часть 1

Превентивные меры

Пролог

Снега обрушились на прошлой неделе. Добротные, высокие дома Светлого Клина так охотно нахлобучили мохнатые шапки, так надежно укутались одним на всех одеялом, что отсюда, с Подкатной горки, по отдельности их было и не разглядеть, а само село с верхотуры напоминало брошенную в сугроб длинную гирлянду. Правда, сияла гирлянда кое-как: там густо – тут пусто, та лампочка едва-едва светит, а эта, похоже, перегорела. Хоть и не сказать, что время позднее – просто ложились в селе рано.

Слева, в чаще, гулко треснуло прихваченное морозом дерево. Коротко оглянувшись, Николай подул на озябшие ладони. И в тот момент, когда облачко пара поднялось над горстью, почудилось сквозь него движение – будто птица мелькнула во тьме. А может, всего лишь одна из придавленных мохнами снега еловых лап освободилась от груза, распрямилась стремительно и бесшумно. Николай замер, прислушался. Встрепенувшись и помотав головой, снова попытался отогреть дыханием пальцы. Надо же было растяпе рукавицы забыть! Вот доедет он до Катюхи – а как обнять такими ледышками?

«Ну, передохнул – и вперед!» – скомандовал он себе, перехватил лыжные палки посподручнее, оттолкнулся. Скользили лыжи неважно, не столько на езду, сколько на ходьбу по лесу были рассчитаны. Одно радовало – теперь дорога прямая, и всё вниз, вниз с Подкатной горки.

Катюха, конечно же, дуется. Такой важный для нее вечер, такое ответственное выступление, а он!.. Эх, если бы не предательски заглохший трактор, если бы не гаражный сторож Митрич, если бы не... Разумеется, он постарается объяснить Катюхе, и, разумеется, она поймет. Но так или иначе – а вечер-то испорчен! Должен бы сейчас Колька Крюков сидеть в клубе села Светлый Клин, смотреть концерт с участием колхозной молодежи, переживать, не забудет ли Катерина длинный монолог Маргариты из «Дамы с камелиями»... Не успеть. Эх, кабы не трактор, кабы не сволочной односельчанин Митрич!

Вспыхнувшая над верхушками сосен луна, казалось, расширила путь-дорогу, но еще дальше отодвинула огоньки в окнах крайних домов. И хорошо, что светит точнехонько в спину, потому что смотреть на такую луну нет никакой возможности. Так ярко бывает на передвижных лесопунктах в ночную смену, когда крепят на стволах прожектора в тысячу свечей, когда таежный воздух белеет и густеет от электрического света, когда тени сжимаются в крохотные точки и испуганно подрагивают под рев бензопил и трелевочных тракторов. Впрочем, сейчас тень была, да какая! Протянулась от Колькиных лыж через весь склон Подкатной горки аж до магазина в центре Светлого Клина. Тень кривлялась в такт Колькиным шагам, нелепо размахивала гигантскими руками, а вытянутая на добрый десяток метров голова елозила туда-сюда по далеким ступенькам магазина, будто стучалась в запертую дверь или намеревалась и вовсе высадить ее тараном.

Хоть и выглядела тень жутковато, Николай улыбнулся: «Не забыть бы рассказать Катюхе! Это через какое же расстояние я до нее дотягиваюсь!»

Чем меньше оставалось до клуба, тем больше он переживал. Не за себя, не за предстоящий разговор с обиженной девушкой и даже не за роль, которую она исполняла сегодня на сцене, – переживал за саму Катю. Каково ей не знать, где он? Каково гадать, почему он не пришел? Мечется, бедняжка, за кулисами, места не находит. А если концерт уже кончился –

так, может, и плачет в уголке и прислушивается тревожно: не Колькин ли трактор взрыкивает на улице? А трактор-то... того. Гадский Митрич!

Свет в окнах клуба был, и даже музыка какая-то едва слышно доносилась, но уже шагов за двадцать Николай понял, что концерт давно окончен: в «лыжном» сугробе обочь крыльца отсутствовал всякий инвентарь. Значит, зрители уже разошлись-разъехались по домам. Николай отстегнул ремешки лыж, сграбастал их вместе с палками охапкой, но втыкать в сугроб не стал, прислонил к стене рядом с окном. Разгоряченное бегом тело щедро отдавало тепло, пот тек по лицу, от полушубка шел пар. Нельзя в таком виде перед людьми показываться, некрасиво это. Он снял шапку, отер ею лоб, слизнул капельки над верхней губой, негнушимися пальцами пригладил мокрые волосы – прихваченные морозом, они вмиг затвердели.

Сквозь двойное стекло, обрамленное изнутри слоем изморози, были видны расплывчатые силуэты. Вертясь так и этак, Николай попытался разглядеть тех, кто остался после концерта. Будучи жителем другого села, он не боялся нарваться на неприятности – местные парни дружелюбны, по уху зазря не съездят. И тем не менее: никогда не помешает прояснить расстановку сил.

Лавки, образовывавшие зрительские ряды, были уже сдвинуты к задней стене – обычно так освобождали место для танцев. Но сегодня цель была иной: в центре зала разместили несколько столов, включая спущенный со сцены «президиумный», покрытый зеленым сукном. На столах – тарелки со снедью, пузатый графин с чем-то красным и самовар. Похоже, артисты решили устроить банкет в честь удачно прошедшего концерта.

Лицом к окну сидел Мишка-гармонист, его верная тальянка примостилась на соседнем стуле – отдыхала от виртуозно исполненного чардаша, вслушиваясь в такты вальса. Справа от Мишки сидели трое знакомых парней – какой номер они исполняли на концерте, Николай не знал. Напротив них, спиной к окну, расположились девчата в народных костюмах. У «президиумного» стола восседал Петр Красилов, тракторист, хорошо читающий со сцены стихи Маяковского, – Петр, в отличие от прочих за столом не ел и не пил, с серьезным видом листал газету. Возле сдвинутых лавок, кружась, обжималась незнакомая парочка – городской хлыщ в черном костюме и коренастая девица в блестящем «буржуйском» платье. Кто они такие, можно было только догадываться: возможно, чьи-нибудь родственники, случайно попавшие на празднество; возможно, высокие гости из района – Катюха говорила, что ждут кого-то то ли из райкома комсомола, то ли из филармонии. Николай неодобрительно цыкнул зубом – парочка только делала вид, что танцует, а на деле ни в один такт не попадала. Музыка стала для них лишь поводом поприжиматься, лица танцоров были неприлично близко, а руками они беспрестанно елозили по спинам друг друга – срамота! И это называется – городская интеллигенция! Да если бы кто-нибудь из деревенских себя так повел – запозорили бы односельчане, безо всяких комсомольских собраний такой выговор впаяли бы!

Катюхи видно не было. Проведя ладонью по покрывшейся инеем щеке, Николай переместился к другому окну. Взгляду открылась пустая сцена, рядом – столик с граммофоном. Возле столика перебирали пластинки завклубом Зина и бригадир мотористов бензопил Бухаров. Зина, конечно же, планирует поставить липси, а Бухаров требует чего-нибудь познергичнее.

Мороз пробрался под полушубок, и Николаю вдруг захотелось оказаться в натопленном клубе, выпить стакан чая, а может, и попробовать багряное содержимое пузатого графина. Вот только повода зайти в клуб не осталось – Катерина явно не стала задерживаться на банкете.

Если она ушла домой, вызвать ее станет большой проблемой – отец уж больно строгий. И все же увидеться было необходимо. Не столько даже ради объяснений, сколько для Катюхиного успокоения – ведь переживает она из-за сегодняшнего Колькиного отсутствия,

сильно переживает! Потому и не в клубе сейчас, не с друзьями-артистами. Скорее всего сидит расстроенная, сложив руки на коленях, провожает невидящими глазами стрелки часов на стене своей комнатки... Значит, надо идти.

Николай вернулся к тому окну, возле которого оставил лыжи, кинул завистливый взгляд на празднующих в тепле – да так и застыл. Натанцевавшаяся парочка как раз возвращалась за стол. Холеный франт был уверен в себе и предупредителен, золотая оправка узких очков (все же не из райкома он, видимо, а из филармонии) победно сияла на тонкой переносице, довольная улыбка растянула бледные губы, изящная, едва ли не женская рука аккуратно придерживала локоток спутницы. Спутница тоже была явно довольна – блеск в глазах, покрасневшие щеки, частое от волнения дыхание. Коренастая – ну так что с того? Местные девушки все чуть-чуть коренасты. Зато красивая. И наверняка талантливая, раз уж городской франт обратил на нее внимание. И ласковая. Настолько ласковая, что не смогла дать отпор хлыщу, когда он принялся гладить ее по спине во время танца, послушно приблизилась в ответ на его движение. А может, свою роль сыграло «буржуйское» платье сценической Маргариты? Меняется одежда – меняется человек?

«Убью! – думал Николай, леденя под окном. – Убью обоих!»

А больше ни о чем не думалось. Подняв руку, он вцепился зубами в рукав полушубка. Воняло табаком, солидолом, псиной и потом – Николай вновь принялся потеть, несмотря на стужу. Горячая дрожь прошла по телу раз, другой, а вместе с нею накатило что-то еще, незнакомое, дикое, звериное...

За спиной, закрыв на миг лунный свет, что-то мелькнуло. Рефлекторно обернувшись, Николай впился взглядом в огромный яркий диск, сияющий над Подкатной горкой. Сморгнув предательскую слезу, Колька вдруг упал на колени и, кажется, отключился.

Глава 1

Утро участкового оперуполномоченного Денисова начиналось с гимнастики. Правда, за двадцать пять лет службы комплекс упражнений серьезно подсократился, да и темп стал более щадящим. Умывание, бритье, плотный, из трех блюд, завтрак. Пятиминутный променада от дома до работы. Ровно в десять он отпирал дверь милицейского кабинета. Включал репродуктор и, внимательно слушая последние известия и «Пионерскую зорьку», подходил к окну, распахивал настежь и терпеливо ждал, пока помещение проветрится. Зимой обычно прихватывал в сенцах несколько поленьев и растапливал печку-голландку и только после этого (в Москве – 7.20, в селе – начало одиннадцатого) отправлялся на обход.

Сегодняшнее утро поначалу мало чем отличалось от прочих. Разве что на кухне хлопотала одна жена – обычно дочка помогала готовить завтрак, но вчера, видимо, задержалась с молодежью после концерта, не выспалась и к столу не вышла.

Поленья принялись охотно, зашипела, защелкала смола, потянуло дымком. Наполовину прикрыв верхнюю печную задвижку, чтобы не выпустить весь жар, Денисов запер кабинет и отправился вдоль села. Определенной цели у него не было: тут поглядеть, там послушать, пообщаться, подсказать, при необходимости – сделать внушение. Работа участкового не так уж и сложна, если изначально подошел к ней с головой. Денисова в селе уважали; может, потому и не было на участке особых нарушений. Да и как тут забалуешь, если пожилой милиционер в курсе всего происходящего, если он раньше тебя догадывается, какую железяку ты собрался спереть в колхозе или кому именно мечтаешь набить морду?

Обычно путь Денисова сперва вел на верхний конец Светлого Клина, оттуда – в обход, задами, вдоль реки, мимо фермы и рыбацких сараев – он добирался до крайних домов нижнего конца и аккуратно к обеду возвращался в центр села. Однако сегодня длительной прогулки не случилось. Едва выйдя из милицейского кабинета, участковый мазнул взглядом по ближайшим домам – и неожиданно зацепился за что-то. За что именно – сначала и не понял. Райка-продащица, обслужив первых утренних покупателей, курила в подсобке сельпо, пыхала дымом в приоткрытую форточку почище иного мужика – но тут уж ничего не попишешь, профилактические беседы с ней не возымели никакого действия. Возле колхозной конторы переругивались старик и старуха Агафоновы, но переругивались несерьезно, любя. Грыз ногти, сидя за баранкой греющегося «виллиса», председательский водитель Витька – зрелище не самое приятное, но, опять же, преступного умысла в подобном действии нет.

Лишь в третий раз обведя взглядом центральные здания села, Денисов обнаружил причину своей смутной тревоги: прислоненные к стене клуба, торчали на виду охотничьи лыжи. Казалось бы – эка невидаль? Лыжи посреди зимы в селе, где даже ребятишки в ясли на них ездят, – что странного?

Подойдя поближе, Денисов убедился: странно то, что инвентарь явно охотничий – широкая рабочая поверхность лыж подбита оленьим мехом, на таких по лесу удобно ходить, а не по деревне кататься. И какой же охотник оставит свое имущество без присмотра? Участковый огляделся, но хозяина поблизости так и не заметил. Стянув рукавицу, он провел ладонью по оленьему меху – тот был смерзшийся, стало быть, лыжи простояли долго. Возможно, всю ночь. Что же, кто-то пришел на них в клуб, примостил здесь – да в клубе и заночевал? Это вряд ли, поскольку заведующая Зина к вверенному хозяйству относится трепетно, в свое отсутствие никого внутрь не допускает. Денисов поднялся на крыльцо, удостоверился в том, что массивный замок на двери заперт, вернулся под окна, еще раз осмотрелся. На снегу аккуратно под окном обнаружилась пара весьма интересных следов, но как следует разглядеть их Денисов не смог, потому что именно в этот момент его ошпарила догадка. Пришедший накануне в клуб на лыжах оставил их здесь, потому что с концерта ушел под

ручку с красной девицей. А участковый знал на сей момент лишь одного человека, готового притащиться через лес из соседнего села, – человека, которого вчера, нервничая и кусая губы перед выступлением, ждала Катерина.

Денисов натянул рукавицу и бегом припустил к собственному дому. Не обмечта на крыльце валенок, проскочив в два шага сени, он ворвался в заднюю комнату, огляделся. Прибравшись после завтрака, жена Людмила сидела за столом, изучала «Последнюю колонку» газеты «Труд».

– Катька тут ишшо? – с порога грозно спросил Денисов.

Людмила, настороженно глядя поверх очков, кивнула.

– Одна?

– Сдурел? – Жена, заметив движение Денисова, поднялась, загородила путь.

Отодвинув ее в сторону, участковый распахнул дверь в спальню дочери.

Катерина не спала, была, к счастью для Денисова, одета и как раз заканчивала застилать кровать. Появления отца испугалась страшно – в селе Светлый Клин, как и во всех ближайших селах, не принято врывать в спальни к взрослым дочерям, и если отец врывается-таки, значит, повод более чем серьезный. А если при этом твой отец – оперуполномоченный, то предположить можно лишь самое страшное.

Катя, так и не покрыв подушку вышитой салфеткой, осела на постель, едва слышно выговорила:

– Что с ним?

Денисов, поняв, что выводы он сделал неправильные, смутился, отвернулся, попятился:

– Катюха, выдь на час, вопросы к тебе имеются.

Дочь быстро оправилась, взяла себя в руки, вышла с гордо поднятой головой. Денисов, по-прежнему в валенках, полушубке и шапке, сидел за столом напротив жены, виновато смотрел на Катю.

– Ты уж прости, невесть что подумалось... Доброе утречко! Поздно вчера вернулась?

– Папа, давай ближе к делу? Что случилось?

Денисов уперся взглядом в натекшую с валенок лужицу, смущенно кашлянул, со вздохом вновь поднял глаза на дочь.

– Скажи, а Николай, который Крюков, который из «Светлого Пути», вчера объявлялся?

Катя медленно помотала головой.

– Не объявлялся или ты не знаешь?

– Он... был. Но мы не виделись. Мама, – она повернулась к Людмиле, – мамочка, какая же я дура!

И тут Катюху прорвало. Кинувшись к сидящей матери, вцепившись в ее колени, она редела, как в детстве, причитала, пересказывая вчерашний вечер, свое постыдное поведение, свои переживания сегодняшней бессонной ночью.

Денисов потел и стеснялся: не должен он был видеть этой сцены, никак не должен! Дочка не ему доверяется, матери, а он тут лишний, он обязан уйти, а как уйдешь, если в курсе таких событий надо быть обязательно? Наконец в сбивчивой речи девушки послышалось важное.

– Стоп! Что за Макаровский?

Катюха обернула к нему заплаканное лицо, всхлипнула.

– Я же говорю – из областной филармонии!

– В очках который? И что он?

– Я же говорю – весь вечер меня обхаживал, в город звал, место в театре обещал, общежитие...

– А ты?

– А я – дура! – Девушка вновь принялась всхлипывать. – Колька так и не приехал – ну, я и разозлилась! Подыгрывать стала, увлеклась...

– И где он ночевал?

– Кто?

– Макарский!

– Точно сдурел! – покачала головой Людмила.

– Да я почему знаю, где он ночевал? – раздосадованно произнесла Катя. – Я как из клуба вышла – сразу Колькины лыжи узнала. Значит, он был... и видел... меня с этим!

Катерина снова зарыдала, уткнувшись в колени матери. Людмила посмотрела на мужа, тот вопросительно округлил глаза, указал подбородком на дочь, пожал плечами – дескать, что происходит? Жена тихонько развела руками – дескать, что ж тут непонятного?

Не баловство, значит. Значит, любовь...

Это было плохо, это было не передать как плохо! И дело вовсе не в том, что рановато дочери о таких вещах думать – думать-то как раз самая пора. Но с кем?! Пусть бы в Петьку Красилова влюбилась – хороший парень, хоть и делает вид, что умный слишком. Или Мишка-гармонист – хоть и раздолбай временами, но тоже не самый худший кандидат. А Николай Крюков... Николай – это очень, очень плохо.

Денисов поднялся, переступил валенками в луже.

– В кабинете буду, – буркнул, ни к кому конкретно не обращаясь.

Наверное, как раз сегодня непременно нужно было совершить обход, узнать, где провели ночь Крюков и Макарский, где они сейчас. Вдруг беспокойство дочери оправданно? Вдруг один из них, а то и оба валяются где-нибудь за рыбацкими сараями с пробитыми головами или ножевыми ранениями? Однако почему-то Денисов был уверен, что основные события произойдут нынче не на окраине села, не на задах Светлого Клина. К тому же, не доходя до кабинета, он увидел Макарского. Представитель областной филармонии визгливо скандалил возле колхозной конторы. Участковый подошел, сурово глянул на ссорящихся.

– Ну? – коротко спросил у председателя.

– Доброе утро, Федор Кузьмич! Полюбуйся! – Председатель развел руками.

– В чем дело, гражданин?

– Официально заявляю! – петушился Макарский. – Меня обманом заманили в эту дыру, а теперь не хотят выпускать!

– Переведи! – попросил Денисов председателя.

Тот вздохнул.

– Вчера товарищ прибыл в колхоз с целью посетить концерт сельской молодежи. Теперь товарищ желает вернуться обратно и высказывает свое недовольство тем фактом, что рейсовый автобус пойдет в район только через три часа.

– Я, между прочим, свой законный выходной трачу! – встрял возмущенный Макарский. – Мне что обещали?

– А что вам обещали? – заинтересовался участковый.

– Мне обещали удобство, комфорт и кучу талантливых самородков! И что я получил? Бездарную деревенскую самодеятельность, невыносимый холод, жесткий топчан и отсутствие транспорта! Вы это называете комфортом?

– Тихо-тихо-тихо! – выставил ладони Денисов. – Успокойтесь. Бездарную, значит? Семен, отправил бы ты его с Витькой своим, а?

Председатель изумленно вытаращился:

– Да как же?..

– Ничего, пешком нынче походишь. Отправь-отправь! Вони на селе меньше станет.

Лицо Макарского перекоилось, но возмущение не вылилось в визгливый протест – таким тоном произнес участковый последнюю фразу, таким взглядом одарил городского, что отбил у того всякую охоту продолжать перепалку.

А Денисов уже повернулся спиной, уже неторопливо шествовал к милицейскому кабинету.

– Ишь ты! – качал головой. – Бездарная самодеятельность...

Ему, присутствовавшему вчера от и до, концерт очень понравился. И, конечно же, больше всего понравилась сцена из «Дамы с камелиями» – родная дочь разговаривала и вела себя как-то по-заграничному, превратившись из вчерашней деревенской школьницы в незнакомую, зрелую и умудренную опытом женщину. «Как в кино!» – шептала ему в ухо Людмила, и он был с нею абсолютно согласен.

– Вчера, значит, горы золотые Катъке сулил, а нынче – вона как...

Денисов обмел на крылечке валенки куцым веником, отпер и тут же плотно прикрыл за собою дверь, разделся в крохотных сенцах, переобулся в удобные разношенные туфли. Валенки внес в комнату, приткнул на просушку к голландке. Присев на корточки, отворил дверцу-заслонку, пошерудил кочергой горящие поленья. Выпрямился, обвел взглядом кабинет – массивный стул, простой стол с выдвижным ящиком, сейф в углу, карта района на оштукатуренной стене. «Голая», без абажура, лампочка под потолком. Аккурат под лампой – табурет для посетителей. Что уж говорить? Неуютный кабинет. Вроде ничего такого неприятного или угрожающего – но оказаться на табурете под лампой панически боялись все в селе. Может, не в обстановке дело, а в энергии, которая скопилась здесь за двадцать пять лет службы?

Участковый стал посреди комнаты и, вперив мрачный взор в закоптившийся потолок, произнес в пространство:

– Ну? Давайте! Начинайте уже.

Предчувствия не обманули: в окно донесся остервенелый лай. Уперев кулаки в низенький подоконник, Денисов выглянул на улицу. Казалось, все собаки Светлого Клина разом сошли с ума. К центру села приближался трактор Петра Красилова – гусеничный «ДТ-75» с экскаваторным ковшом и косым ножом для уборки снега. Зимой в обязанности Петра входило расчищать единственную дорогу в район. Участковый бросил взгляд на наручные часы – половина двенадцатого. Тридцать пять километров туда, тридцать пять обратно – слишком мало времени прошло, чтобы медлительной «дэтэшке» успеть доехать до районного центра и вернуться обратно. Стало быть, по дороге что-то стряслось. Вокруг трактора бесновалась свора – рыча, визгливо тявкая, захлебываясь лаем, яростно бросаясь на траки и испуганно поджимая хвосты, все местные собаки преследовали машину.

– Едрить твою редиску! – озадаченно выругался Денисов и побежал на крыльцо.

Очень медленно, осторожно, явно стараясь не подавить собак, Красилов повернул к кабинету милиции, остановился, не доезжая пары шагов до обледеневшего колодезного сруба.

– Что там? – ежась от холода, попытался перекричать свору участковый.

Выбравшись из кабины на гусеницу и не решаясь спрыгнуть на снег, Красилов коротко ответил:

– Труп!

Денисова бросило в жар. Неужто не зря Катерина рыдала?

– Николай?

– Какой Николай? – удивился тракторист. – Волк! Вон, в ковше лежит.

От сердца отлегло, Денисов выдохнул. Понятно, почему псы ополоумели. Непонятно, зачем Петька в село волка приволок.

– Ну? – требовательно выкрикнул участковый.

– Странный труп, Федор Кузьмич!

– Ты давай, что ли, приземляйся! В кабинете жду.

– И не посмотрите?

– Посмотрю, когда эти выдохнутся. А пока ты мне на словах опишешь. Пробирайся, тут же оглохнуть можно!

Петр вошел через пару минут, скромно замер у двери, вертя в руках кроличий треух.

– Там это, – мотнул лохматой головой в сторону улицы, – народ собирается.

– А что ж ты хотел? Такое представление устроил! Проходи, присаживайся.

– Да я лучше тут! – испуганно глянув на табурет, отказался молодой тракторист.

– Ну, тогда давай по существу.

– По существу – вот: осуществляя плановую уборку снега...

Денисов замахал руками, поморщился.

– Своими словами! Ты же не доклад на пленуме читаешь!

– Короче, где-то в девять тридцать я поднялся на Подкатную горку, а там – труп. Прямо посередине дороги!

– Да ну? Прямо посередине? И что?

– Я остановился, осмотрелся – крови нет! Думаю, ну, может, он от старости помер или на морозе околел. У меня знакомый в районе, он чучела делает. Думаю, отвезу ему. А что? Раз крови нет – значит не подстрелили. Раз не подстрелили – значит шкура цела.

– И что? Цела шкура?

– Какое там! – возбужденно замахал треухом Красилов. – Горло вдрызг разодрано!

– Вдрызг? А крови нет?

– Так вот и я о том же! Ни вокруг, ни под ним! А самое странное, – Петька понизил голос, – что рана светлая!

Денисов встал из-за стола, прошелся по кабинету, сцепив руки за спиной. Ему не надо было объяснять, что значит светлая рана при отсутствии крови – сотню раз видел, как свиней режут.

– Следы?

Петька отрицательно помотал головой:

– Под утро снежок, конечно, прошел, но не такой сильный, чтобы все завалить. Волчьи следы есть, да поди разбери – его или другой зверюги?

– Стало быть, убили его в другом месте, – раздумчиво проговорил участковый, – выпустили всю кровь, а потом вывезли и подбросили на Подкатную горку. Так?

Красилов отчаянно замотал головой.

– Ну?

– Вот смотрите: например, я убил волка. – Петька рубанул треухом воздух. – Как я его убил? Зубами горло перегрыз, что ли? Ну, пусть зубами. Это же браконьерство получается? Ведь если самозащита – то чего бы скрывать? Хорошо, теперь мне надо отвести от себя подозрение, избавиться от трупа. Я грузу волка в машину – в багажник, если она легковая, или в кузов, если грузовик. Вряд ли на сиденье рядом с собой положу, неприятно это, так? Теперь приехал я на место, выхожу из машины, открываю кузов или багажник, так?

Денисов заулыбался, поняв, к чему клонит тракторист.

– Не так, Петька, не так. Если бы ты вышел из машины – оставил бы следы. А следов нет, верно? Молодец! Тебе точно нужно в школу милиции поступать, хороший следователь может из тебя получиться. Только ошибку ты все же допустил: зачем забрал волка с места? Первое заглавное правило – ничего не трогать до приезда криминалиста.

– Ага, конечно! – обиделся Красилов. – А поехал бы кто да увидел? Это я такой сознательный, вам улику привез, другой бы мог, не задумавшись, домой забрать и друзьям как трофей демонстрировать!

– Тоже верно, – кивнул участковый. – Хвалю за сознательность! Ну, утомонились они там?

Собаки действительно притихли. Устав брехать да наскакивать на ковш, попадали в снег. Дышали тяжело, подрагивали настороженно, но по родным дворам разбредаться не спешили. На смену им пришли люди – человек пятнадцать односельчан, включая председателя, столпилось возле трактора. Денисов открыл сейф, достал казенный фотоаппарат в кожаном футляре и планшет с блокнотом.

– Пойдем, Петька, займемся описанием...

– А я, знаете, Федор Кузьмич... – Красилов смущенно потер нос. – Ну, когда собаки в селе взбеленились, знаете, что подумал?

– Ну?

– Что это оборотень! Глупость, правда?

Денисов внимательно на него посмотрел.

– Конечно, глупость. Оборотень после смерти обратно в человека превратился бы.

* * *

Разумеется, волк оказался обычным волком. А вот рана его – далеко не обычной. Горло было не перерезано, не проткнуто, а именно разорвано, но кто из обитателей здешних лесов мог оставить такую рану – не сказал бы даже самый бывалый охотник.

Денисов делал записи в блокноте и все больше мрачнел. Почему-то докладывать о случившемся в район не хотелось совершенно.

К часу – участковый видел в окно – вернулся отвозивший Макарского Витька, но вернулся не один: с заднего сиденья «виллиса» выбрался молодой человек в дорогом пальто, зашел вслед за шофером в контору.

«Ну и слава Богу! – облегченно подумал Денисов, угадав, что за посетитель у председателя. – Стало быть, само разрешится».

Впрочем, догадка его была верна лишь отчасти.

Минут через десять в дверь кабинета постучали.

– Федор Кузьмич, ты тут? – вежливо осведомился председатель. – Тут товарищ из райкома партии побеседовать с тобою хочет. Найдешь время?

– Здравствуйте, здравствуйте! – радушно улыбнулся Денисов, поднимаясь из-за стола и протягивая ладонь для рукопожатия. – Участковый оперуполномоченный лейтенант Денисов. Очень рад, очень рад!

– Угорь Евгений Юрьевич, – представился молодой человек.

– Располагайтесь! Разденетесь? У меня тут тепло. Впервые у нас?

«Товарищ из райкома», казалось, был несколько огорошен благодушным квохтаньем пожилого милиционера. Пальто послушно снял, оставшись в светлом костюме хорошей шерсти. «Тонковата одежда! – отметил Денисов. – Хоть и шерстяная, а нашим морозам не помеха. Впрочем, ежели его всюду на машинах доставляют...»

– Семен Семеныч, ты гостя нашей водой уже поил? Нет? Непорядок! Вам, Евгений Юрьевич, непременно следует попробовать нашу колодезную воду! Хоть чай был бы сейчас более уместен, но поверьте – вы не пожалеете! Семен Семеныч, дорогой, не в службу, а в дружбу – ведро в сенях стоит, принеси свеженькой!

Председатель, и сам немного оторопевший от многословности участкового, вышел в сени, загремел ведром. Проводив его взглядами, оба шагнули в Сумрак.

Время ощутимо замедлилось, звуки сделались глухими и протяжными. В окошко было видно, как размытая фигура председателя плавно скользит к колодезному срубу.

– Угорь Евгений Юрьевич, – снова представился гость. – Иной, Светлый, руководитель районного Ночного Дозора.

– Третий ранг – и руководитель? – усмехнулся участковый.

Приезжий смутился.

– Туше! – с достоинством кивнул он. – Руководитель я, получается, сам себе. Месяц назад назначен на должность переводом из области. Активный состав – один сотрудник, оперативный резерв – ноль целых ноль десятых... Федор Кузьмич, я тут, конечно, по другому делу, но и этого вопроса был намерен коснуться, так что лучше сразу. Федор Кузьмич, пойдете в Дозор?

– Расширяетесь, значит?

Дозорный неопределенно пожал плечами.

Денисов отошел к окну, уперся кулаками в подоконник. Председатель едва-едва одолел расстояние до колодца, Райка-продащица на крыльце сельпо душераздирающе-бесконечно зевала, снег пошел – вернее, пара-тройка снежинок повисла за стеклом почти без движения.

– Вам нужно подумать? – осторожно спросил Светлый маг.

– Да что тут думать? – Денисов отлип от окна, вернулся за стол. – Нечего думать. Извините, Евгений Юрьич, не мое это.

– Почему – не ваше? – удивился Угорь. – Вы четверть века занимаетесь охраной порядка как сотрудник милиции, по сути, я не предлагаю вам ничего нового. Но вы – Светлый Иной, вы могли бы принести гораздо больше пользы в этом качестве!

С улицы послышался тоскливый протяжный скрип – Семен принялся раскручивать колодезный ворот, опуская ведро.

– Гораздо? Гораздо больше? – переспросил Денисов. – И какой же пользы? Что – Темные активизировались?

– Да нет, – пожал плечами маг, – создание районного отделения Ночного Дозора – это мера, скорее, превентивная... м-м... профилактическая.

– Я знаю, что означает «превентивно», спасибо. Ну, в таком разрезе я и вовсе не вижу смысла. Здесь я на своем месте, занимаюсь реальными делами. Что предлагаете вы – сидеть в кабинете, вести учет знахаркам и ведуньям?

Давненько Денисов не ходил в Сумрак, забыл, что не стоит здесь проявлять эмоции. Чем больше волнуешься, возмущаешься, злишься – тем активнее он сосет твои силы. Участковый отдышался, привел в порядок сердцебиение, продолжил спокойно:

– Думаете, вы первый, кто предлагает мне вступить в Дозор? Ну-у, энто вы ошибаетесь. Сразу после войны, как только вернулся сюда, в тот же день предложение и поступило. И аргументы такие же – профилактика. Дескать, время тяжелое, жители ослаблены, мало ли какая нечисть забредет? И знаете, Евгений Юрьич, я ведь и впрямь задумался! Дали мне брошюрку агитационную... Сейчас, наверное, таких не печатают? А там все так правильно написано было, такими словами!.. Ну, нас, фронтовиков, знали чем зацепить. – Денисов усмехнулся. – Попросил я дополнительные материалы – и про иерархию, и про историю, и про Договор... Почитал, покумекал, а как явились ко мне за ответом, спрашиваю: «Вот, к примеру, товарищи дорогие, такая ситуация – вампир на моих глазах сосет кровь...»

Угорь вздрогнул, и это не укрылось от взгляда Денисова. Усмехнувшись, он продолжил:

– «...Как в такой ситуации должен поступить я-дозорный?» Мне отвечают – дескать, следует проверить регистрацию, лицензию... Я им: «Тоись, ежельше с документами у кровососа все в порядке – я пройду мимо, отпущу убийцу?» Они мне – да, так положено. «А ежели, – говорю, – остановлю его, то сам стану нарушителем?» Ответ положительный. И тут я заявляю: «А вот если я наткнусь на такую ситуацию, будучи не дозорным, а обыч-

ным милиционером, я имею полное право вурдалака шлепнуть! Верно? Ну и зачем тогда мне энти ваши Дозоры?»

– Вы описали примитивную, надуманную ситуацию, – медленно проговорил маг. – Будь вы обычным человеком, вы просто не увидели бы ни вампира, ни его жертву. К тому же вампиры – низшая каста. Куда большее зло исходит от тех, кто посильнее, а с ними вы едва ли справитесь при помощи табельного оружия.

Скрип колодезного ворота достиг самой пронзительной ноты.

– И много таких в нашем районе? – Денисов скривился – то ли от сарказма, то ли от невыносимости скрипа. – Я понимаю, вы тут человек новый, вам кругом нужно быть... э-э... профилактически внимательным. Но мне-то, старожилу, поверьте – Темных сколь-нибудь серьезного уровня здесь нет.

– А появятся? Сможете защититься без помощи Дозора? Раз вы не сотрудник – вам нельзя пользоваться Силой. Справитесь?

– До сих пор справлялись как-то. Бог даст – не появятся здесь монстры.

– Ну-ну... – Угорь был ужасно недоволен разговором, раздосадован упертостью старика. – А я вот почитал тут материалы – лет двадцать назад объявилась в соседнем районе банда Темных. Помните?

– Помню.

– Нейтрализовали-то ее не без помощи магов, правда? Ладно, что уж говорить...

– Действительно, – качнул головой участковый, и в этот момент прекратился скрип ворота; оба облегченно выдохнули. – Вы говорили, что пришли по другому вопросу?

– Н-да, – заторопился вдруг дозорный. – Тут вот какое дело... Прямо в тему вашей истории! – Он откашлялся в кулак. – На прошлой неделе я выдал элементарную лицензию... Не смотрите на меня так! Да, выдал лицензию! Лотерею не я придумал! По правилам, бескуд должен был зарегистрироваться...

– Бе-ескуд? – всплеснув руками, протянул Денисов; задумавшись, округлил рот, посидел так несколько секунд, встрепенулся: – Откель же вы его взяли?

– Из Туркмении. Ну, то есть мы-то его не взяли, он сам приехал. Молодой педагог из Ашхабада, в прошлом году окончил тамошний университет, попал в наши края по распределению, работает в соседнем районе учителем химии. Учитель-то он, говорят, неплохой, но... Ладно, что уж воздух сотрясать! В общем, у элементарной лицензии ограниченный срок действия. Собственно, вчера он заканчивался, но на регистрацию никто так и не явился.

– И?..

– Я поехал проверить жертву, но ее... его на месте не оказалось. Вчера вечером он отправился в Светлый Клин, с тех пор его никто не видел.

– Фамилия? – холодея, спросил Денисов.

– Крюков Николай, пятидесятого года рождения. Знакомы?

– Угу, – буркнул участковый. – Жених моей дочери.

– Что... Как?!

– Вот так, мил-человек... простите – Иной.

– Но ведь он...

– Да знаю, знаю. Я против, но девке-то не объяснишь! Эх... Столько парней в селе, а она... Постойте! – Денисов даже привстал. – Тоись вы, зная, что он потенциальный Иной, выдали на него лицензию? – Плюхнулся обратно. – Энто как же?

Законопослушным вампирам, бескудам и прочей кровососущей нечисти, которая читит Договор и не нарушает установленных правил, периодически полагался вот такой бонус – живая человеческая жертва. Против природы не попрешь, и донорская кровь, а также кровь диких животных и домашнего скота не может полностью заменить «натурпродукт». Уж как только Ночной Дозор ни пытался добиться повсеместного сокращения или полного запрета